

Марина С. Серова
Сияние алчных глаз
Серия «Секретный агент Багира»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167145
Сияние алчных глаз. Братья должны умереть: Эксмо-Пресс; М.:;
ISBN 5-04-008810-8*

Аннотация

Сначала они пытали и замучили до смерти следователя прокуратуры, который на свой страх и риск начал расследовать серию грабежей и убийств в Приозерске... Теперь в их руках оказалась Юлия Максимова – секретный агент Багира. Но эти безжалостные, жадные до денег преступники и не догадываются, что ее захват спланирован самой Багирой. А как иначе подобраться к оборотням, спаянным круговой порукой, убийствами, грабежами и скрывающим свою истинную сущность под погонами и строгими костюмами «отцов города»? Только рискуя собственной жизнью...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Сияние алчных глаз

Глава 1

Наручные часы с будильником пропищали подъем едва слышным, но на удивление настойчивым тоном. Аникин, спавший до этого момента мертвым сном, рывком сел на постели и открыл глаза.

За окном во тьме и тумане плавал отсвет уличного фонаря. В углах комнаты грудились синие тени. Еле слышно урчал холодильник. В соседней комнате, где спали жена и сын, было тихо.

Аникин потер кулаками глаза и осторожно слез с дивана. Старая громадина заскрипела, как корабль в бурю. Аникин чертыхнулся про себя и на цыпочках отошел от опасного места.

Вчера он заявился домой поздно и, чтобы никого не будить, завалился, не раздеваясь, на диван. Теперь он жалел о своем поступке, представив, во что превратился его костюм.

Аникин потихоньку прикрыл дверь в спальню и зажег свет. Стоваттная лампочка под потолком высветила неказистую обстановку, вытертый диван со смятой подушкой, побитый молью ковер на стене, чуть покосившуюся вешалку с верхней одеждой. Он машинально подумал, что стоило все-таки поменять обои, не дожидаясь обещанной отдельной квартиры, – по крайней мере стало бы веселее жить. В глубине души Аникин уже смирился с тем, что именно он должен поддерживать дух усталых путников, но этим умозаключением с женой пока не делился. Женщины таких шуток не понимают.

Аникин посмотрел на часы – было без пяти шесть. Он намеренно не оставлял себе времени на завтрак, потому что бегать поутру с кастрюлями и чайниками на общую кухню, скрипеть дверью и хлопать холодильником было не в его вкусе. Лучше он потерпит немного и позавтракает чем-нибудь на работе. А, возможно, заодно и пообедает.

С улицы донесся гнусавый сигнал автомобильного клаксона. Аникин встрепенулся и снял с вешалки куртку. Он одевался торопливо, опасаясь, что повторный гудок может разбудить жену.

Однако второго гудка и не потребовалось: дверь спальни распахнулась, жена появилась на пороге, щурясь от света и придерживая на груди наброшенный наспех халатик.

– Привет, Галюша! – немного фальшиво произнес Аникин, приглаживая вихры перед настенным зеркалом и посылая жене виноватую улыбку. – Ты все-таки проснулась?

Жена не приняла его улыбки – ее худощавое, немного заспанное лицо казалось очень серьезным.

– Я что-то не поняла, – проговорила она высоким напряженным голосом. – Ты только пришел или уже уходишь?

Аникин натянул на голову кроличью шапку и шагнул навстречу жене, намереваясь заключить ее в объятия. Она увернулась и устремила на мужа строгий взгляд карих глаз.

– Ты не ответил на вопрос!

– Ухожу, Галюша, – покаянно сказал Аникин. – В одно место надо съездить. Вчера у Балчугина в уголке машину выпросил на три часа...

– Что ты говоришь! – презрительно щуря глаза, сказала жена. – Чтобы ты что-то выпросил... Никогда не поверю!

– Точно выпросил, – пытаюсь перевести разговор в шутливое русло, ответил Аникин. – У нас в прокуратуре, как обычно, полторы машины на ходу...

– Алексей! – перебила его жена, скрещивая руки на груди. – Я давно хочу с тобой поговорить... В последнее время тебя почти не бывает дома, поэтому я буду говорить сейчас, хотя это и не лучший момент...

– Только не сейчас! – быстро сказал Аникин. – Ну, некогда, понимаешь? Приду вечером пораньше – я тебе обещаю...

Словно в подтверждение его слов с улицы донесся длинный настойчивый гудок. Аникин развел руками.

– Чего стоят твои обещания! – горько сказала жена. – Ты обещал, что у нас будет своя квартира. А мы живем в этом ужасном общежитии, где тараканы чуть ли не по нас пешком ходят. Живем уже, между прочим, два года, и конца этому не видно! Ты – следовательно, а живешь в тысячу раз хуже тех, кого день и ночь ловишь. Тебе это не кажется странным?

– Ты просто не видела, как живут на зоне те, кого удастся поймать! – угрюмо ответил Аникин. От упреков жены у него мгновенно и надолго портилось настроение.

– Не смей меня! – продолжала она. – Разве тебе удалось посадить за решетку хоть одного серьезного преступника? Все ваши дела рассыпаются в суде как карточные домики! Улики исчезают, свидетели отказываются от показаний, суд выносит условные наказания. Зато ты бегаешь по городу, высунув язык, пять лет в одном и том же костюме, а твоя семья ютится в сарае, который лишь для приличия называется общежитием...

– Галя, давай оставим этот разговор... – окончательно скиснув, сказал Аникин.

– Мы оставим... – загадочным тоном ответила супруга и, сверкнув глазами, неожиданно выпалила: – Мы вообще оставим тебя в покое! Если те-бе все равно, я заберу Костика и уеду к маме. А ты живи в этой дыре, в этом свинарнике, раз тебе нравится...

Аникин безнадежно посмотрел на бледное, злое лицо жены, махнул рукой и выскочил из комнаты. Прошагав размашистым шагом по выкрашенному в унылый зеленый цвет коридору до лестницы, он на секунду остановился и оглянулся на дверь своей квартиры. Жена не выглянула ему вслед. Равнодушный слабый свет плафонов освещал пустой в этот ранний час длинный коридор с протертым бесчисленными подошвами полом. Аникин опять махнул рукой и побежал вниз по лестнице.

На ходу он размышлял о непостижимости женской логики и о том, насколько реальны угрозы Галины бросить его. Лишь выйдя на крыльцо и глотнув влажного холодного воздуха, Аникин немного успокоился. Его мысли снова заняло предстоящее дело.

От широкого крыльца общежития вела асфальтовая дорожка, ограниченная с обеих сторон густым кустарником, который летом цвел какими-то ароматными белыми цветами, а сейчас представлял собой просто непролазное переплетение твердых, как проволока, ветвей. В конце дорожки стоял старенький «УАЗ» с голубой полосой. Лица водителя с такого расстояния Аникин рассмотреть не мог, но на всякий случай приветственно махнул рукой и пошел к автомобилю.

В следующую секунду ему показалось, что за стеной кустарника метнулась какая-то тень. Он остановился и присмотрелся внимательнее. Пространство за кустами было погружено во мрак, и ни лампочка над входом в общежитие, ни уличный фонарь на тротуаре не могли развеять его.

– Кто там? – неуверенно произнес Аникин, но тут же, застеснявшись собственной подозрительности, пошел дальше.

«Чудится уже черт-те что, – подумал он с неудовольствием. – Нервы сдают, вот и все дела!»

Асфальт под ногами был покрыт коркой изморози – значит, температура упала ниже нуля. Но по всему чувствовалось, что днем опять начнется оттепель.

«И зима не зима, а форменное безобразие!» – сердито заключил про себя Аникин.

Уже остановившись около милицейской машины, он еще раз обернулся и успел заметить, как в том месте, где заканчивалась живая изгородь, действительно мелькнула какая-то тень. Аникин даже решил, что теперь может с уверенностью сказать, кому она принадлежит.

Этот приземистый суетливый силуэт мог принадлежать только Борзому – ведущему журналисту из газеты «Ваша неделя», которая, по слухам, финансировалась из средств известного в городе предпринимателя Караваева и поддерживала его в избирательной кампании на пост мэра.

Ничего особенно удивительного в появлении Борзого возле общежития не было. Аникин вынужден был это признать. Несмотря на свое пристрастие к горячительным напиткам и некоторую рыхлость комплекции, господин Борзой имел исключительный нюх на «жаренные» факты и в способности охотиться за ними не имел себе равных, на сто процентов оправдывая свою фамилию.

Повод околачиваться в кустах дал ему сам Аникин. Накануне они случайно встретились в кафе «Блеск», являвшемся как бы неофициальным клубом местной богемы, большинство которой составляли именно газетчики. Борзой пил там пиво, а Аникин зашел, чтобы перекусить. В какую-то минуту Аникину понадобился телефон, и журналист услужливо предоставил ему свой мобильник.

Договариваясь с Балчугиным насчет машины, Аникин не придавал значения тому, что Борзой является свидетелем этих переговоров – настолько простецкий и добродушный вид имел газетчик. А тот, оказывается, мотал все на ус, сделав выводы из услышанного.

«Сыщиком бы тебе работать!» – с усмешкой подумал Аникин. Он не сомневался, что где-нибудь за углом у Борзого припрятан автомобиль, на котором он намерен пуститься в погоню за сенсацией.

Однако гипотеза, проверкой которой занимается сейчас Аникин, вовсе не нуждалась в свидетелях, и он был намерен пресечь поползновения Борзого, едва только они станут более явными.

Однако мысли о ретивом журналисте выскочили из головы Аникина, как только он сел в кабину «УАЗа». Вместо ожидаемого сержанта за рулем он увидел самого замначальника отдела. Широкое румяное лицо майора Балчугина лучилось добродушной улыбкой. Зимняя милицейская куртка делала полноватую фигуру майора еще более внушительной.

– О! Николай Васильич! – удивленно воскликнул Аникин. – Ты чего сам-то? Не ожидал!

– Привет следствию! – откликнулся Балчугин, протягивая Аникину толстую горячую ладонь. – Матвеев мой после дежурства... Да и вообще людей свободных нет. Решил вот сам...

– Нет, ну, слушай, – растерянно произнес Аникин, устраиваясь на сиденье. – Неудобно как-то... Получается, я тебя в водилы нанял.

– Все нормально, не тушуйся! – прогудел Балчугин. – Смотри на вещи проще! Да мне и самому любопытно... Ты ведь это убийство на шоссе раскручиваешь? – он испытующе посмотрел в лицо Аникину.

– Его, – кивнул тот, сдвигая на затылок шапку, Балчугин не выключал мотор, и в машине было довольно жарко.

– Так мы сейчас куда? – майор положил руку на переключатель скоростей.

– Мне, Васильич, в Косой Бор надо, – сообщил Аникин. – Идею одну проверить...

Балчугин быстро взглянул на него и не слишком радостно хохотнул.

– Только одну? – спросил он. – А то с бензином у меня не очень... Косой Бор, он большой...

– Я на заброшенную базу хочу посмотреть, – со скрытым упрямством сказал Аникин.

Балчугин молча и понимающе кивнул, прижав воротник вторым подбородком, и выжал сцепление. «УАЗ» тронулся с места и покатил по полутемной улице.

Некоторое время майор молчал, а потом спросил равнодушно:

– За тобой «хвоста» нет? А то какой-то крендель за нами прилепился как привязанный...

Аникин рассмеялся, поглядев в заднее стекло. Неказистый автомобиль – судя по всему, «Запорожец» – тащился следом в полусотне метров. Говорить про Борзого Аникин не стал – в милиции терпеть не могли газетчиков. Понадеялся, что вскоре тот сам отстанет, не желая испытывать судьбу.

Так и случилось: свернув к выезду из города, Балчугин удовлетворенно заключил:

– Отвязался. А я уж, было, подумал... Так чего ты, Леша, про Косой Бор говоришь?

Аникину не слишком хотелось делиться своей идеей с милицией, но из элементарного чувства признательности пришлось сообщить вкратце:

– Понимаешь, Васильич, на нашей территории это первое нападение на дальнобойщиков. А у наших соседей их уже девять или десять. Но почерк-то один и тот же! Чует мое сердце, что орудуют наши!

Майор скептически хмыкнул.

– Точно тебе говорю! – заявил Аникин. – Они перехватывают машины с грузом в нашем районе, убивают всех на месте, а трупы вместе с порожней машиной перегоняют в соседний район и бросают в безлюдном месте...

– С порожней? – подчеркнул Балчугин, искоса взглянув на следователя. – Сначала ты сказал с грузом...

– В том-то вся и фишка, – ответил Аникин. – Шоссе огибает нас и уходит на север. В последний раз трупы были обнаружены в двадцати километрах южнее Приозерска, а порожний «КамАЗ» на границе нашего района, на севере. В этом промежутке что у нас? Косой Бор! Вот я и подумал: а что если они устроили склад похищенного где-нибудь в районе старой воинской части?

Балчугин покрутил головой то ли одобрительно, то ли с сомнением. Свет фар выхватил из темноты дорожный знак – название города «Приозерск», перечеркнутое красной полосой. Они выехали на шоссе и повернули на север. Впереди на фоне светлеющего неба замаячила громада соснового бора, стремительно приближавшаяся.

– Не пропустить бы поворот, – пробурчал себе под нос майор, вглядываясь в дорогу. – Я ведь эту базу только по слухам... Так я, Леша, не понял, – обратился он снова к Аникину, – ты говоришь, эти молодцы у нас орудуют. Как же они машины с трупами перегоняют из района в район? А посты? А ГИБДД?

– А это уже к вам вопрос, – ответил Аникин.

– Да нет, невероятно! – убежденно заявил Балчугин. – Вот увидишь, бензин только зря сожжем!

– Невероятно, но факт! – весомо сказал Аникин. – На их стороне наглость, звериная жестокость, ну и... видимо, коррупция... Иначе трудно понять, как они могут так долго вершить свои темные дела.

Майор оторвал правую руку от руля, чтобы хлопнуть следователя по плечу:

– Ну, работает у тебя башка, Леша! Надо же, целую банду открыл в районе! Как говорится, на кончике пера... Ты хоть при оружии сегодня?

Аникин рассеянно кивнул и сказал:

– Да, пистолет со мной... Только ты зря смеешься, Васильич! Я и сам, конечно, сомневаюсь немного, а все-таки чует мое сердце...

– Э, брось! – неожиданно сказал Балчугин. – А мое сердце чувствует, что зря мы с тобой прокатимся. Залетные это. И груз они сбрасывают дальше... И водил кончают в чужой епархии...

– Вряд ли! – упрямо заявил Аникин. – Они в этот раз следы замести не успели – сопротивление им оказали. Думаю, среди преступников есть пострадавшие... И в другой район на этот раз им не удалось порожняк отогнать – у «КамАЗа» мотор поврежден был... Поворот, Васильич, смотри...

– Ну-ну! – снова буркнул Балчугин и потянул руль влево.

Поворот действительно был не слишком приметный. С первого взгляда казалось, что боковая дорога упирается в стену громадных черных деревьев. На самом деле она делала небольшую петлю среди сосняка и устремлялась дальше, в лесную чащу.

Некоторое время они молча ехали по темному лесу. В свете фар янтарно вспыхивали мелькающие по обеим сторонам дороги сосновые стволы. Дорога, несмотря на заброшенность, была еще в очень неплохом состоянии.

– Умеют эти вояки строить, – проворчал майор. – Если для себя, конечно...

Хотя небо продолжало светлеть, здесь, у подножия лесных великанов, было по-прежнему сумрачно и жутковато. Аникин невольно поежился и оглянулся назад. Позади все сливалось в сплошную черную мглу.

– Я сам не местный, – вежливо пояснил он. – Дороги этой на карте нет. Но я народ поспрашивал – говорят, от шоссе километров двадцать пять ехать...

– Пятнадцать, – авторитетно заявил Балчугин.

С лица его сошло добродушие – он словно был подавлен и раздражен торжественным мрачным пейзажем. Глаза его были устремлены вперед, где метались лучи фар.

Неожиданно впереди резко посветлело. Балчугин сбросил скорость и медленно подъехал к деревянным воротам, затянутым колючей проволокой. Проволочные заграждения уходили в лес по обе стороны от ворот и охватывали, по-видимому, значительную территорию. За воротами виднелась большая площадка, покрытая кое-где асфальтом, кое-где вымершей травой и пушистыми сосновыми побегими. Из земли стройными рядами торчали крыши каких-то подземных сооружений. Темные и неподвижные, они походили на какие-то великанские надгробия.

«УАЗ» остановился. Не выключая мотора, Балчугин вылез из машины и, нахохлившись, подошел к воротам. Потрогав рукой деревянный столб, майор обернулся и вопросительно посмотрел на Аникина.

Тот открыл дверцу и прыгнул на землю. Холодный асфальт ответил звонким морозным звуком.

– Знак на воротах видишь? – с усмешкой сказал Балчугин. – «Кирпич». Проезда нет!

– Кто сказал, что мы поедем? – в тон ему ответил Аникин. – Развернись у ворот. Черт его знает, что там разбросано по территории?

Балчугин не спеша вернулся к машине и взгромоздился на сиденье. Сделав решительное лицо и отчаянно работая рулевым колесом, он развернул «УАЗ» и выключил мотор. Сразу же вокруг установилась ошеломляющая, почти нестерпимая тишина. Аникин ощутил себя лилипутом, потерявшимся среди молчаливых и грозных великанов.

Балчугин исподлобья посмотрел на него и негромко поинтересовался:

– И что будем делать теперь?

– Нужно взглянуть, – неопределенно ответил Аникин.

Майор крикнул и натянул козырек форменной фуражки на нос. Он уверенно толкнул створку ворот и протиснул свое грузное тело в образовавшуюся щель. Аникин проскользнул вслед за ним. Оглядываясь по сторонам, они направились к первому врытому в землю сооружению.

Под ногами похрустывала остекленевшая от ночного морозца трава. Быстро светало, и уже можно было различить грубую фактуру бетонных плит и кирпичную кладку, которой был замурован вход в первый капонир.

– Гляди-ка, ни одной щелки! – уважительно сказал Балчугин. – Вояки знают, что делать!

Засунув руки в карманы куртки, он стоял, плотно упершись ногами в землю, и казалось, никакая сила не сможет сдвинуть его с места.

Аникин медленно направился мимо замурованных «склепов». На лбу его появилась озабоченная складка. Дойдя до конца площадки, он махнул Балчугину рукой.

Майор постоял еще немного и неохотно двинулся на зов. Подойдя к Аникину, он грубовато спросил:

– Не видишь, что ли, голый номер? Нечего тут искать, поехали!

Вместо ответа Аникин кивнул головой в сторону бетонного сооружения напротив. Вход в него был забросан валежником и порыжевшими сосновыми лапами. Однако это был именно вход – черная зияющая пустота.

Аникин приблизился и принялся разбрасывать баррикаду из сухих веток. Вскоре открылся лаз, из которого тянуло холодом и подвальной сыростью.

– Конспираторы, мать их!.. – с непонятной интонацией произнес Балчугин.

Аникин торжествующе посмотрел на него и сунул руку в карман. Но извлек оттуда не табельный «ПМ», а фонарик. Включив его, он сунул голову в дыру. Балчугин хмуро и сердито смотрел на него, втянув крупную голову в воротник куртки.

– Там транспортер! – возбужденно сказал Аникин, появляясь обратно. – Я сейчас спущусь по ленте и посмотрю, что там внизу! Ты, Васильич, прикрой меня, если что! – последние слова прозвучали скорее шутливо.

Нащупывая ногой опору, Аникин полез в дыру. Его фигура скрылась в темноте. Балчугин, не меняя позы, смотрел ему вслед. Жирное лицо казалось сейчас постаревшим и совсем невеселым.

Аникин, придерживаясь за края резиновой ленты, осторожно спускался вниз. Неожиданно из глубины подвала раздался какой-то резкий звук, вспыхнул свет, и тут же транспортер пришел в движение. Аникин потерял равновесие и с коротким криком полетел вниз.

От удара о каменный пол у него перехватило дыхание. Кроличья шапка свалилась с головы и откатилась куда-то в сторону. Аникин не успел прийти в себя, как сверху на него навалились, вывернули руки и защелкнули на запястьях наручники.

– Попалась птичка, – услышал Аникин чей-то довольный голос.

Глава 2

Я прибыла в Приозерск сыкатным декабрьским утром. Стояла необычная для этого времени оттепель. Не слишком внушительный силуэт города был зятанут туманом. Под ногами хлюпала жидкая грязь.

В кармане у меня лежало удостоверение корреспондента «Новой криминальной газеты» на имя Ольги Шварц. На самом деле такой газеты в природе не существовало, но при нынешнем изобилии печатных изданий это обстоятельство не имело существенного значения. Главное было создать впечатление, что за моей спиной стоит некая организация – не слишком авторитетная, но достаточно настырная и любопытная. Вдобавок это хорошо оправдывало мое собственное любопытство.

Появление в Приозерске журналистки Ольги Шварц не произвело никакого волнения. Я спокойно зарегистрировалась в гостинице с не слишком оригинальным названием «Приозерская» и, расположившись в одноместном номере с видом на главный городской проспект, принялась думать, что делать дальше.

В Приозерск меня привело действительно профессиональное любопытство. Но предшествовал ему как всегда приказ моего шефа – генерала Сурова, профессиональный псевдоним – Гром. Он руководит нашим Особым отделом по борьбе с организованной преступностью и терроризмом. Отдел этот – достаточно самостоятельное и весьма засекреченное подразделение, ни в каких справочниках и телефонных книгах нет и следа его присутствия. Сколько сотрудников в отделе, знает, наверное, только сам Гром. Юлия Сергеевна Максимова – а это мое настоящее имя – числится в отделе под псевдонимом Багира. Задания, которые мне приходится выполнять, довольно деликатны, и действовать мне приходится большей частью в одиночку. Впрочем, при необходимости я всегда могу рассчитывать на поддержку любого ведомства – в этом отношении у нашего отдела весьма широкие полномочия. Впрочем, этими полномочиями Гром старается не злоупотреблять, требуя, чтобы его агенты выкручивались до последней возможности сами. В наше сложное время эта традиция имеет особенное значение, потому что коррупция проникла во все слои и структуры общества, и зачастую действительно приходится, что и спокойнее, рассчитывать только на свои силы.

В Приозерске был, кажется, именно такой случай. Внимание этот захолустный городок привлек около года назад, когда появились подозрения, что в смысле криминальной обстановки здесь не все ладно. В округе участились случаи нападения на водителей-дальнобойщиков с неизменно смертельным исходом. Местная милиция топталась на месте. В самом городе положение дел тоже настораживало – в связи с приближающимися перевыборами мэра в местной печати появились намеки на связи нынешнего главы с криминальными структурами.

Последней каплей стала публикация в местных газетах сообщения о странной гибели следователя горпрокуратуры, который вел дело о разбойном нападении на очередного дальнобойщика, произошедшем совсем недавно – в начале декабря.

Направляя меня в Приозерск, Гром напутствовал:

– Речь идет не только о том, чтобы выявить преступную группировку. Сейчас важен начавшийся процесс выдавливания из властных кресел пробравшихся туда лиц с криминальным прошлым и связями. Судя по тому, как развиваются события в Приозерске, я склонен подозревать, что местные власти относятся именно к этой категории. Путь наверх не усыпан розами, но, когда там появляются люди, замаранные кровью, это уже чересчур... Ты должна с этим вплотную разобраться! Если обнаружишь какую-то ниточку, связывающую последние события с местной верхушкой, мы ею займемся. Момент там сейчас доста-

точно напряженный – предвыборная кампания, и ты должна спровоцировать взрыв. Смотри только, чтобы этим взрывом тебя не зацепило!

И вот я в Приозерске. С первого взгляда он никак не производил впечатления места, где царят произвол и беззаконие. Никто не стрелял на улицах, и даже пьяные попадались на удивление редко. О предвыборной горячке напоминали только расклеенные повсюду плакаты с физиономиями кандидатов. Преобладали два варианта: «Гудков – наш мэр! Поддержите действующего мэра!» и «Караваев – это человек, который вам нужен!» Остальные листовки были не в пример мельче и бледнее. Видимо, господа Гудков и Караваев были основными конкурентами.

Однако позиция последнего, если верить местным газетам, теперь основательно пошатнулась. Не исключено, что его вообще могли снять с предвыборной гонки. Ведь под забором загородного особняка именно Караваева два дня назад был обнаружен труп следователя горпрокуратуры (его фамилию газеты скрывали под инициалом А.) с признаками насильственной смерти. Я внимательно проштудировала семь вариантов этого сообщения. Во всех семи авторы сетовали на отсутствие полной информации, но тем не менее пятеро решительно утверждали, что следователь погиб от поражения электричеством, и недвусмысленно намекали на ток, пропущенный по венчающей караваевский забор проволоке. При этом в шести заметках весьма туманно говорилось о том, что привело погибшего к роковому забору, и лишь одна газета прямо заявила, что следователь А. вел дело о разбойном нападении на Южном шоссе и что в его смерти гораздо больше загадок, чем это может показаться на первый взгляд.

Поскольку автор заметки, подписавшийся фамилией И. Гончий, показался мне чуть осведомленнее остальных, я решила познакомиться с этим в первую очередь. Он теперь был моим «собратом по перу».

Тем более что его печатная информация – двухдневной давности, поскольку в выходные и в понедельник газета «Ваша неделя», где работал И. Гончий, не выходила.

Но сначала мне нужно было проверить одно небольшое, но важное дело. В моем положении совершенно необходимо иметь запасную берлогу. Об этом позаботился отдел: еще неделю назад в Приозерске для меня сняли однокомнатную квартиру в тихом районе, и ключи от нее уже лежали в моей сумочке.

Предстояло перевезти туда мой «джентльменский набор», составлявший половину багажа: оборудование, которое могло понадобиться в работе, – прибор ночного видения, подслушивающая аппаратура и кое-что еще. Оружие тоже имелось. Оставлять все это в гостинице, которая являлась официальным местом моего пребывания, было немыслимо.

Захватив с собой чемоданчик с секретным замком, я покинула гостиницу, поймала на улице такси и попросила отвезти меня на улицу Чижевского. Пока меня никто здесь не знал, я могла чувствовать себя достаточно свободно. Однако номер дома я называть не стала и попросила таксиста высадить меня на первом перекрестке. Дальше я передвигалась пешком, но не очень долго, потому что нужный мне дом под номером семнадцать находился совсем рядом.

Квартира, которую для меня сняли, располагалась весьма удачно – на первом этаже и была единственной жилой – остальную площадь занимало какое-то статистическое бюро. Внутри она была обставлена просто и безлико, окна задернуты полупрозрачными шторами. Толстый слой пыли повсюду и отсутствие какой-либо индивидуальности в интерьере наводили на мысль о том, что здесь уже давно никто не жил. Однако входная дверь была сделана на редкость прочно и оборудована далеко не самым простым замком.

Шкафы в комнате и на кухне были пусты. Единственное зеркало в ванной также покрывал тонкий слой пыли. Не стирая ее, я всмотрелась в свое туманное отражение – черные волосы, разбросанные по плечам, кожаное полупальто с поясом, подчеркивающим талию,

джинсы, заправленные в сапоги. Пожалуй, вид у меня достаточно богемный, сойду за свою среди провинциальных газетчиков.

Не тревожа содержимое чемодана, я спрятала его под ванной и отправилась на поиски И. Гончего. Судя по адресу, напечатанному в газете, редакция «Вашей недели» располагалась на улице Победы, в доме 12. Поехав туда на автобусе, я вошла в редакцию в десять часов утра.

По первому впечатлению «Ваша неделя» относилась не к самым процветающим изданиям. Редакция занимала полуподвал угрюмого пятиэтажного здания из темного камня, и пахло там пластмассой и подгоревшим кофе.

Я заглянула в дверь с табличкой «Корреспонденты» и увидела одинокого молодого человека с бледными глазами, который что-то яростно строчил на электрической пишущей машинке.

– Мне нужен Гончий, – сообщила я.

Молодой человек поднял на меня бесцветные глаза и, абсолютно проигнорировав мое женское очарование, буркнул:

– Нету его!

– А где его можно найти, не подскажете? – терпеливо спросила я, демонстрируя повадки бывалого газетчика.

Мой собеседник обрушил на машинку град, казалось бы, беспорядочных ударов, словно не слышал моего вопроса, но потом вдруг остановился, болезненно наморщил лоб и изрек:

– Он у редактора – третья дверь направо.

Я не стала рассыпаться в благодарностях и отправилась дальше по узкому коридору. Половицы даже под моими легкими ногами угрожающе скрипели и прогибались. Да-а, помещению явно не помешал бы ремонт.

На третьей двери справа висела табличка: «Главный редактор Подколдин Ник. Евг.». Я уже собиралась постучаться, но меня привлекли громкие мужские голоса, доносившиеся из-за неплотно прикрытой двери.

– А я тебе говорю, обстоятельства складываются не в нашу пользу, и надо переждать!

– А я тебе говорю, что в этих обстоятельствах остается одно – переть вперед как танк! Только так мы можем заставить их с собой считаться! Если они только почуют, что мы напуганы...

– А я, если хочешь знать, уже напуган! Завтра на нас подадут иск о клевете и пустят по миру! Где у тебя доказательства?

– Ничего, рано или поздно эти доказательства все равно появятся... И кто тогда будет кусать локти?

– Когда они еще появятся! А завтра в типографию спустят распоряжение не брать в работу очередной номер...

– Напечатаем в соседнем районе!

– Тебе легко рассуждать!

Вслед за этим наступила тягостная пауза, и я сочла момент подходящим для того, чтобы вмешаться. На мой стук прозвучал ответ «Войдите», исполненный нестройным дуэтом.

Я вошла и увидела двух мужчин, сидящих по обе стороны письменного стола. В одном, облаченном в сиреневый двубортный костюм, я сразу признала главного редактора. У него было крупное волевое лицо с высокими залысинами и очки в роговой оправе. Второй, который, вывернув шею, чтобы получше рассмотреть меня, сидел спиной к двери, показался мне невзрачным и каким-то замызганным. Хотя... Его маленькие циничные глаза, обежав меня с головы до ног, выразили неприкрытое восхищение, и за это можно было простить неглаженные брюки, неопрятный, бурого цвета свитер и не особенно тщательно причесанные

волосы. Женщин в наше время не слишком балуют подобными взглядами. На первое место у мужчин вышло дело, и необязательно это дело с большой буквы.

Как бы в подтверждение данной мысли хозяин кабинета устремил на меня взгляд, в котором было что угодно, кроме чисто мужского интереса, и настороженно спросил:

– Что вам угодно?

– Мне хотелось бы увидеть господина Гончего, – сказала я.

– Вот он, ваш господин! – с иронией и некоторым облегчением ответил редактор, кивая в сторону своего собеседника, и безапелляционно добавил: – Все, ступай-ступай! Разговор закончен! У тебя посетитель, вот им и занимайся.

Неопрятный Гончий повернулся к нему передом, а ко мне спиной и медленно поднялся.

– Я не считаю разговор законченным! – предупредил он. – В случае чего где тебя искать?

– Сейчас я поеду прямо к Караваеву, – неохотно ответил редактор. – Переговорю с ним лично, а до этого...

– Я от тебя не отстану, – пообещал Гончий и с любезной улыбкой обернулся ко мне. – Пойдемте, найдем местечко, где мы сможем поговорить! Я к вашим услугам.

Мы вышли в коридор. Гончий остановился на секунду, словно раздумывая, куда направить стопы.

– Мне хотелось бы для начала побеседовать с вами с глазу на глаз, – сказала я. – Может быть, пойдем куда-нибудь, господин Гончий? Я, кстати, еще не завтракала...

Он повернул ко мне круглое помятое лицо и ухмыльнулся. Припухшие глаза и красноватые прожилки на щеках свидетельствовали о несомненном пристрастии к горячительным напиткам.

– Вообще-то моя фамилия Борзой, – сообщил журналист. – Гончий – это псевдоним. А еще Пряткий. Но вы можете звать меня просто Дима.

На вид ему было лет сорок пять, и для Димы он, пожалуй, староват. Но, учитывая фамильярные манеры газетной братии и, прямо скажем, небольшой рост Борзого – он сантиметра на два ниже меня, – я решила согласиться на Диму.

– Тогда зовите меня просто Ольгой, – сказала я, протягивая ему руку. – Ольга Шварц из Москвы. Я работаю в «Новой криминальной газете».

Борзой выпучил глаза и аккуратно пожал мою ладонь.

– Коллега, значит! – удивленно воскликнул он. – Это дело надо отметить! А ко мне по какому вопросу?

– Давайте сначала уединимся, – предложила я.

– Согласен! – сказал Борзой с энтузиазмом. – В двух кварталах отсюда есть кафешка под названием «Блеск». Сущность, может быть, соответствует названию не в полной мере, но там собираются приличные люди. Вы пешком? Тогда прошу в мой лимузин.

Лимузином оказался основательно потрепанный «Запорожец» с сиденьями, обтянутыми каким-то невероятным ситцем в розовых цветочках. Чихая и кашляя, это чудо техники одолело требуемое расстояние, и вскоре мы с Борзым оказались в заведении, которое облюбовали «приличные люди». В связи с ранним часом приличных людей было совсем немного – в дальнем углу четверо молодых людей, похожих на студентов, пили пиво, а за столиком у окна какой-то строгий господин в очках завтракал яичницей с ветчиной. Блеску тут явно не доставало, зато отчетливо пахло табачным дымом – видимо, кондиционер был неисправен.

Борзой держался уверенно и по-свойски здоровался с официантами. Официанты в белых рубашках с галстуком бабочкой – почему-то все как один кудрявые – отвечали ему, как мне показалось, без особого энтузиазма.

– Вам здесь нравится? – спросил Борзой, как только мы уселись за столик. – Конечно, после Москвы... Но я считаю, что главное – это общение, не так ли?

Один из кудрявых выжидательно остановился возле нас, и Борзой небрежно сказал ему:

– Даме, пожалуйста, завтрак, кофе... а мне – пива! Пару бутылочек! Лучше чешского.

– Расплачиваться как будем? – неожиданно спросил официант.

Борзой залез в задний карман и вытащил потертый бумажник. Заглянув в него, он загрустил. Предупреждая неловкую сцену, я уверенно сказала:

– Не волнуйтесь, я заплачу! Только, будьте добры, принесите завтрак на двоих и граммов триста коньяка... Какой у вас есть?

– Есть «Мартель», есть армянский – три звездочки... – оживляясь, заговорил официант.

– Значит, армянский, – заключила я.

– Вы настоящая фея! – горячо заявил Борзой, когда мы опять остались наедине. – Я у вас в долгу!

– Ловлю на слове! – сказала я. – Расплатитесь информацией...

Борзой посмотрел на меня с интересом.

– Столица нуждается в информации? – удивился он. – Кстати, как называется ваша газета – я что-то запамятовал...

– «Новая криминальная», – быстро ответила я. – Это совсем новое издание. Мы хотим воспользоваться вашим материалом... – Я извлекла из сумочки и положила на стол последний номер «Вашей недели».

Борзой бросил на меня взгляд исподлобья и чересчур равнодушным тоном заявил, что ему любопытно посмотреть мое удостоверение. Я предоставила ему такую возможность. Уж что-что, а удостоверение у меня – что надо!

Пока Борзой разглядывал красную с золотистым тиснением книжечку, принесли заказ. Я сразу же расплатилась и предложила моему спутнику не стесняться.

– Стесняться я не буду, – заверил он меня, наполняя свой фужер коньяком. – Только напрасно вы заказали второй завтрак. Я, признаться, после вчерашнего... Извините! – Он запрокинул голову и влил себе в глотку добрую порцию жгучего напитка.

Чтобы не смущать его, я занялась завтраком, которым оказалась все та же яичница с ветчиной. Видимо, это было дежурное блюдо приличных людей в Приозерске.

– А вы не выпьете капельку? – застенчиво спросил Борзой.

– Нет, не буду, – ответила я. – Никогда не пью с утра, даже после вчерашнего...

– Понимаю, – хитро ухмыльнулся Борзой. – Хотите подпоить меня, чтобы развязать язык? А что – я готов! Только учтите, материал, который вас интересует, – гремучая смесь. Если рванет – моя голова точно с плеч долой!

– Простите, – сказала я как бы между прочим. – Нечаянно подслушала часть вашего разговора с редактором... Не вы ли отстаивали позицию «прущего вперед танка»? Мне показалось, что вы достаточно решительный человек. И потом, если ваш материал появится в столичной газете, это будет для вас лучшей страховкой, так мне кажется...

Борзой махнул вторую порцию коньяка и задумчиво посмотрел в окно на унылую зимнюю слякоть. Наблюдая за его смешной, какой-то взъерошенной фигурой, я подумала, что, скорее всего, семьи у Димы нет. В противном случае он отказался бы, не раздумывая. Впрочем, возможно, ему было наплевать на семью.

– Наверное, вы правы, – сказал он наконец. – А если ваш редактор передумает? У меня ведь нет веских доказательств...

– Давайте поищем их вместе! – предложила я и добавила небрежно: – А насчет редактора не беспокойтесь. Редактор – мой муж. Если я обещаю, что материал появится в газете, только космический катаклизм может этому помешать!

– Так вы замужем? – только и сказал Борзой, причем, как мне показалось, с некоторым разочарованием. – Это меняет дело. Я имею в виду, что замужние женщины вызывают у меня большее доверие...

– Весьма польщена оказанным мне доверием, – сказала я. – Так вы решились?

– Э-э, где наша не пропадала! – махнул рукой Дима. – Вы, наверное, заметили, что в нашем городе царит предвыборная лихорадка? Кандидатов на пост мэра восемь, но все-речь можно говорить о троих. Сам мэр Гудков – личность, на мой вкус, крайне несимпатичная. Отставник Столбов, пожалуй, наиболее достойный кандидат, только, кроме некоторого энтузиазма масс, за ним ничего нет... И наконец, Караваев – известный предприниматель. Между нами, хлюст еще тот, но он негласно финансирует нашу газету. Поэтому, сами понимаете, о нем, как о мертвом...

– И все-таки именно возле дома Караваева был обнаружен труп следователя! – напомнила я. – Он что, действительно был убит электротоком?

– Судя по всему, да, – ответил Борзой. – В нашем УВД есть теперь человек, отвечающий за связи с общественностью – нечто вроде пресс-службы, – так вот он намекал, будто следователь Аникин погиб при попытке проникнуть на территорию караваевского дома. Что, мол, было связано с его расследованием... У Караваева поверх забора действительно протянуты электрические провода. Сейчас он вместе с семьей чаще живет в городской квартире, а загородный особняк практически пустует – вот он и подстраховывается... – Борзой достал из кармана измятую пачку сигарет «Новость» и спросил у меня разрешения закурить.

Я разрешила – с завтраком было покончено, а кофе оказался отвратительным. Борзой раскурил сигарету, в движениях его появилась блаженная неторопливость.

– От кого подстраховывается? – спросила я. – От следователя?

– От грабителей, – усмехнулся Борзой. – В общем, это незаконно. Для Гудкова это подарок судьбы. Я слышал, что в прокуратуре на Караваева завели дело по обвинению в неосторожном убийстве и подали запрос в избирком о снятии его кандидатуры. Пока это неофициальные сведения, но, помяните мое слово, так оно и будет!

– Именно по этому поводу вы спорили с редактором?

– Вы удивительно прозорливы, моя очаровательная фея! – с пьяной галантностью ответил Борзой. – Если мы упустим время и не посеем в душах горожан справедливого сомнения, – песенка Караваева на этих выборах спета! Потом, конечно, все объяснится, но будет поздно...

– А вы уверены, что объяснится? – поинтересовалась я.

Борзой фыркнул:

– Аникин занимался разбойным нападением на «КамАЗ»! Что ему было делать в загородном доме Караваева? Дом стоит на юру, открыт со всех сторон, внутри никаких подвалов, никаких складских помещений. Ток, пропущенный над забором, с напряжением в сто двадцать вольт. Но самое главное не в этом...

Борзой с весьма интригующим видом посмотрел на меня.

– А в чем главное? – спросила я.

Журналист оглянулся, наклонился ко мне и зловещим шепотом сообщил:

– Аникина нашли утром в субботу. Подразумевается, что до караваевского дома он добирался своим ходом. Но дело в том, что еще утром в пятницу Аникин уехал из дома на милицейском «УАЗе». И совсем в противоположном направлении, заметьте! – Он откинулся на спинку стула и торжествующе посмотрел на меня.

– Откуда у вас такие сведения?

– А я за ним следил, – сказал Борзой. – Я еще накануне случайно узнал, что он договорился насчет машины с заместителем начальника оперативной части. Я сразу понял, что

наклеивается что-то новенькое! Только мой «Запорожец» сдох в самый неподходящий момент, и мне пришлось прекратить погоню. А они ехали в сторону Южного шоссе...

– Кто они? – уточнила я.

– Аникин и водитель. Вот кто за рулем сидел – я не рассмотрел. Вообще на этой машине Матвеев ездит, я его знаю. Можно будет с ним поговорить, только осторожно, издали. Он до этого дела, – Борзой щелкнул по горлу, – большой охотник!

– Вы надеетесь разговаривать с ним? – усомнилась я. – А захочет ли он с вами говорить, Дима?

Борзой самодовольно усмехнулся.

– Захочет! – заявил он. – Он же мне каким-то дальним родственником доводится. Не откажется же он с родственником выпить... Вообще, – вдруг задушевно сказал он, – для вас я сущий клад! Ведь я, считай, в городе всех знаю, и меня все знают. Я к любому ключик найду...

– Да? – скептически сказала я. – Может быть, вы и врача знаете, который проводил вскрытие? Может быть, жену Аникина? У него, кстати, есть жена?

– Жена есть, – немного смущенно отозвался Борзой. – Галиной звать. Я ее как раз не очень знаю. Они не местные, Аникины... А сегодня она должна быть на похоронах. Хоронят Леху... Спешат похоронить!

– Может быть, съездим на кладбище? – предложила я. – А потом вы мне дом Караваева покажете...

Борзой задумался. Потом он с сожалением посмотрел на опустевший графинчик и сказал:

– Можно. Только вы примите к сведению, Оленька, что я нуждаюсь теперь в финансовой подпитке... Была надежда, но Николай, гад, зарубил материал!

– Никаких проблем! – заявила я. – Оплачиваю любые издержки. В разумных пределах, конечно.

– Тогда едем! – радостно воскликнул Борзой. – Свожу вас куда нужно, а вечером, если вы меня профинансируете, с Матвеевым потолкую. Согласны? Ну тогда едем!

– Наверное, есть смысл мне сесть за руль? – сказала я, когда мы вышли из кафе. – Штрафы за вождение в нетрезвом виде мне не хотелось бы оплачивать...

Борзой с недоумением посмотрел на меня.

– А кто в нетрезвом? – удивился он. – Мне знаете сколько нужно, чтобы в нетрезвого дойти? Ерунда, поведу сам! Вы с моей колымагой не справитесь! А насчет штрафов не беспокойтесь – меня здесь каждая собака знает!

Глава 3

Здание городской администрации Приозерска было выстроено еще во времена застоя, и с тех пор в нем многое изменилось. Фасад оставался по-прежнему солидным и строгим – без излишеств. Только алое полотнище над фронтоном сменилось трехцветным стягом. Зато внутри помещения преобразились коренным образом – в кабинетах был сделан евроремонт, скучная старая мебель заменена лучшими образцами из Италии и Финляндии, коридоры приобрели мраморную отделку и были устланы коврами дорожками цвета неугасимого пламени, всюду царствовала новейшая оргтехника. На входе дежурила вежливая, но бдительная охрана, которая старательно следила за тем, чтобы на дорожки не ступила нога случайного посетителя.

Этим великолепием резиденция городской власти была обязана неугомонному и энергичному Владимиру Степановичу Гудкову, действующему мэру. Звезда Гудкова взошла лет десять назад, в период всеобщей приватизации. В ту пору он работал заместителем директора местного ликеро-водочного завода. Вместе со своим начальником и близким другом Старицким они превратили государственный заводик в акционерное общество и довольно успешно занялись бизнесом. Чужое благополучие всегда вызывает зависть, и через некоторое время по городу поползли слухи о конфликтах, которые возникали между бывшим директором и его замом. Молва приписывала Гудкову даже связь с женой компаньона – Любовью Старицкой. Насколько обоснованы эти слухи, теперь сказать было трудно, но около пяти лет назад Приозерск всколыхнула сенсационная новость – Старицкий бесследно пропал, выехав по делам в Москву. Ни его тела, ни машины так и не обнаружили. В связи с этим за спиной Гудкова поползли самые зловещие предположения. Однако он не побоялся выступить публично и отвести от себя все подозрения. Более того, все руководство предприятием он передал в руки жене исчезнувшего друга. А сам, словно в пику злым языкам, смело ринулся в пучины политической борьбы, углядев на этом поприсе более широкие и заманчивые перспективы. Используя свои связи, он включился в борьбу за кресло городского головы и сумел победить с первого раза.

Правда, без кривотолков не обошлось и здесь – шла речь о подкупе, о незарегистрированных финансах, даже о нападении на некоторых граждан. Но все слухи не получили официального подтверждения, а Гудков занял высокий пост, чем посрамил своих недоброжелателей.

Дело о пропаже гражданина Старицкого пылилось в архиве, а новый мэр процветал, умело окружая себя нужными людьми, и не скупился на обещания о скором всеобщем благосостоянии. Обещания он давал талантливо, старательно культивировал в народе представление о себе как о простом, грубоватом, но свойском мужике, и всерьез рассчитывал на второй срок. Помешать ему мог только Караваев, который занимался оптовой торговлей, обладал определенной финансовой независимостью и тоже задумывался о перспективах, которые открывает власть.

Однако, кажется, Караваеву крупно не повезло. С минувшей субботы его предвыборный штаб стоял на ушах. Произошло то, чего никто не ожидал. Чрезмерная забота о личной собственности могла обернуться теперь для Караваева крупными неприятностями.

Гудкову уже было известно, что прокуратура возбудила дело о непредумышленном убийстве, а территориальная избирательная комиссия после некоторых раздумий приняла решение о снятии кандидатуры Караваева. Теперь Гудков ждал ответного хода со стороны конкурента.

И когда секретарша доложила, что делегация от Караваева просится на прием, он несколько не удивился.

– Впусти! – лаконично распорядился он.

Секретарша вышла из кабинета, а Гудков одернул белоснежные манжеты и постарался придать своему грубоватому, с крупными чертами лицу выражение внимания и сочувствия. Он всегда помнил о своей не слишком привлекательной внешности и старался компенсировать этот недостаток тщательно подобранными костюмами и галстуками. Внешне он выглядел вполне по-европейски. Впрочем, среди местного электората европейский лоск не пользовался особой популярностью, и об этом Владимир Степанович тоже всегда помнил.

Делегация, состоявшая из трех человек, вошла в кабинет. Гудков знал всех троих. Темин, высокий, угловатый брюнет с сердитым лицом, с золотой цепочкой на жилистой шее, был заместителем Караваева по бизнесу. Сопровождали его другие представители Караваева – лысоватый, с хитрыми глазами резонер Волков и очень серьезный, по-интеллигентному выглядящий редактор Подколдин. Как показалось Гудкову, этот последний чувствовал себя наименее уверенно – в глазах его за массивными очками металось беспокойство. Впрочем, возможно, он просто готовился к резкому разговору.

Гудков не хотел преждевременно обострять отношения. Сделав плавный жест рукой, он любезно предложил гостям садиться.

Все трое уселись в ряд, плечом к плечу, как бы подчеркивая свое единство и монолитность. Гудков внимательно оглядел их натянутые лица и нажал на кнопку переговорного устройства.

– Мария Ивановна, – внушительно произнес он. – В ближайшие полчаса меня ни для кого нет! – после этого он приглашающе кивнул и проговорил деловито. – Что привело вас ко мне, господа? Или, если кому-то больше нравится, товарищи...

– Нас привели чрезвычайные обстоятельства! – хрипло выкрикнул Темин, голос его напоминал воронье карканье. – Кое-кому хочется превратить выборы в фарс! Мы заявляем решительный протест!

Гудков внимательно уставился на взволнованного гостя, стараясь не выказывать при этом никаких чувств.

– Кое-кому? – переспросил он ровным голосом. – Давайте не будем говорить загадками. Коль скоро протест вы заявляете мне, то и обвинения в срыве выборов мне остается принять на свой счет, не так ли?

Темин ответил ему злым взглядом и открыл рот, желая что-то сказать, но хитрый Волков опередил его.

– Владимир Степанович! Господа! – разочарованным голосом воскликнул он. – Не будем брать друг друга за грудки! Мы же цивилизованные люди! Пришли мы разобраться в сложившейся ситуации...

– Вот как? – сказал Гудков, скрещая пальцы над столом. – Что вы имеете в виду под сложившейся ситуацией?

Темин резко махнул рукой и прокаркал:

– Вы отлично знаете, что мы имеем в виду! На каком основании Караваев вычеркнут из списка кандидатов?

Гудков бессильно развел руками.

– Господа! Это вопрос не ко мне. Решение принимала избирательная комиссия...

– Владимир Степанович! Мы, разумеется, обращались в избирком с запросом... как и в прокуратуру, кстати... – вмешался в разговор Волков.

– Ну и? – заинтересованно произнес Гудков.

– Результат отрицательный, – скорбно ответил Волков. – Поэтому мы сочли уместным воззвать к вашему авторитету. – Он значительно понизил голос и объяснил: – Полагаю, вам самому выгоднее победить в открытой борьбе. Подобное устранение вашего основного конкурента неизбежно вызовет различные толки...

– Не понимаю, почему я должен опасаться каких-то толков, – сухо сказал Гудков. – Я не имею ни малейшего отношения к отстранению Караваева...

– А кто имеет к этому отношение? Пушкин? – раздраженно заметил Темин. – Не держите нас за лохов, Гудков!

Мэр немного помолчал, а потом сказал веско, размеренным голосом:

– Давайте все-таки оставаться в рамках! Иначе разговор теряет всякий смысл. Ваше заявление можно рассматривать как шантаж, хотя, откровенно говоря, предмет шантажа мне не вполне ясен. Повторяю, я не имею ни малейшего отношения к отстранению господина Караваева от предвыборной борьбы. Я сам сожалею о случившемся и от души сочувствую Сергею Ильичу. Но нельзя забывать и о том, что он сам, по сути дела, вырыл себе эту яму. Времена сейчас, конечно, не самые лучшие, и мы все беспокоимся о безопасности своих жилищ и семей. Но Сергей Ильич в данном случае переусердствовал. И вот результат – погиб невинный человек! Кто-то должен за это ответить, не так ли?

– Интересно, какого... этот человек полез через чужой забор? – вспыхнул Темин.

Гудков предостерегающе поднял палец.

– Не забывайте, что это был не просто человек, а следователь! – строго сказал он. – Наверное, у него имелись какие-то основания...

– Только ордера на обыск не имелось! – ядовито откликнулся Темин.

– Это другой вопрос, – вздохнул Гудков. – Тем не менее вины это с Караваева не снимает. Что же вы предлагаете – оставить все без внимания? А завтра Сергей Ильич вокруг своих владений минное поле соорудит?

– Владимир Степанович! – умоляющим голосом проговорил Волков. – Не поймите нас превратно! Я сам расцениваю нововведения Сергея Ильича как... гм... неуместные... Но речь ведь не о том! Как говорится, мухи отдельно, котлеты отдельно... Насколько мне известно, никто еще не доказал, что причиной смерти стало именно поражение током. А если здесь какая-то чудовищная ошибка? Мы должны учитывать подобную возможность, по – этому и обращаемся к вам, чтобы вы употребили весь свой авторитет и влияние, чтобы не допустить такой ошибки.

– Ну-у, – покрутил головой Гудков, – не знаю, что я могу сделать. Ошибка это или нет, разберутся компетентные органы. Я не уполномочен вмешиваться в их деятельность.

– Но вы могли бы сказать веское слово в избиркоме, – со лстивой улыбкой проговорил Волков.

Мэр насмешливым жестом поднял вверх руки.

– Увольте! Увольте, господа! – воскликнул он. – Вмешиваться в деятельность избирательной кампании!.. Да меня самого надо будет гнать тогда в три шеи! – Он с улыбкой посмотрел на собравшихся, хотя глаза его оставались по-прежнему холодными.

Члены делегации сумрачно переглянулись. Волков кашлянул и неожиданно официальным тоном поинтересовался:

– То есть следует понимать, что вы решительно отказываетесь пойти нам навстречу?

– Рад бы, но не могу! – сожалеюще откликнулся Гудков. – Хотя обещаю вам взять это дело под личный контроль. Будем вместе разруливать эту непростую ситуацию. В конце концов, у нас общие интересы – интересы нашего родного города, не так ли? – он обвел серьезным взглядом лица своих посетителей.

– Ну, ваши интересы нам известны! – неприязненно буркнул Темин.

– Интересы наши, возможно, и сходные, но диаметрально направленные, Владимир Степанович! – категорически заявил Волков. – Все это отлично понимают. Мы надеялись найти некоторые точки взаимопонимания, но, поскольку это не удалось, мы оставляем за собой право продолжать борьбу всеми доступными нам способами... – Он выразительно посмотрел на помалкивающего до сих пор Подколдина.

Тот востепенулся, поправил на носу очки и, волнуясь, сказал:

– Разумеется, мы оставляем за собой право на собственную точку зрения, которую будем озвучивать через газету, чтобы у наших читателей была возможность получать более объективную информацию. – Он быстро взглянул на мэра и решительно добавил: – Остальные издания в нашем городе грешат известной односторонностью в освещении событий...

Гудков пожал плечами и ответил брюзгливо:

– Я всегда приветствовал гласность и разумную критику тоже. Но хотелось бы все-таки предостеречь вас от... инсинуаций. В пылу борьбы нетрудно скатиться на голословные заявления, Николай Евгеньевич! Пройгнорировав эту истину, вы можете оказать своему кандидату медвежью услугу.

– А вы не боитесь, что вам самому оказали медвежью услугу, дорогой господин мэр? – с сарказмом в голосе произнес Темин. – Цыплят по осени считают...

– О какой услуге идет речь? – холодно осведомился Гудков.

– Все о той же! – зло сказал Темин. – О которой мы тут битый час базарим...

– Вы отдаете себе отчет, господин Темин! – с угрозой в голосе воскликнул Гудков. – Вы вообще понимаете, что вы говорите? Или от огорчения у вас помутился разум? Пожалуй, только это может оправдать ту ахинею, которую вы несете. Никогда не поверю, что вас на это уполномочил Караваев! Для этого он слишком умен...

– Да я вообще не хочу ни о чем разговаривать! – взорвался Темин. – Я сразу сказал, что это пустая трата времени...

– Пожалуй, на этом закончим! – повысив голос, сказал Волков и поднялся. – Нам пора, господа. Всего хорошего, Владимир Степанович! Все-таки не будем терять надежды, что вы займете более конструктивную позицию.

– Хотелось бы и мне надеяться на вашу добрую волю! – буркнул Гудков, взглядывая исподлобья на своего оппонента.

Темин с Подколдиным также поднялись. Не глядя на хозяина кабинета, они потянулись к выходу. Только Волков, не теряя присутствия духа, довольно корректно раскланялся и только тогда присоединился к своим спутникам.

Гудков дождался, когда за ними закроется дверь, и сразу как-то весь обмяк и осел в кресле. С минуту он пустыми глазами неотрывно смотрел в стену, а потом наугад нащупал телефонную трубку.

Номер, который он набрал, откликнулся не сразу. Мэр, морщась, выслушивал длинные гудки. Наконец в трубке щелкнуло, и густой голос снисходительно объявил: «Балчугин слушает!»

– Ты не занят? – мрачно спросил Гудков. – Вот и отлично. Бросай все – и через полчаса на нашем месте. Нужно поговорить!

Глава 4

Не знаю, удалось бы мне справиться с колымагой Борзого или нет, но у него самого сегодня это получалось не очень хорошо. По пути на кладбище мы дважды останавливались, и, театрально кляня судьбу, Дима шел ковыряться в моторе. В результате мы успели к самому концу печальной церемонии. У ворот кладбища скопилось множество машин. Где-то слышалась траурная музыка. Ветер трепал верхушки голых деревьев, и они скорбно раскачивались, словно в такт похоронному маршу.

Сторож кладбища объяснил нам, где искать могилу следователя Аникина, и мы с Борзым отправились на поиски между безмолвных крестов и надгробий. Свист ветра, мутное небо, холод могильных камней невольно настраивали на философский лад, и в голову лезли мысли о бренности всего земного и тщете всяких усилий.

Не знаю, испытывал ли те же чувства Борзой, но внешне он этого никак не проявлял. Уверенно шагая по кладбищенским дорожкам, он с любопытством вертел по сторонам головой. Наконец он воскликнул вполголоса: «А вот и они!»

Я увидела небольшую группу людей, собравшихся вокруг свежей могилы. Она уже была забросана землей и окружена оградой из железных прутьев. Трое мужчин устанавливали теперь на могиле крест, также сваренный из металла.

Всего мужчин здесь было человек десять, не считая чумазных могильщиков с лопатами в руках. Судя по манерам и внешнему виду, можно было предположить, что все они – коллеги Аникина по работе. Единственная среди них женщина – в неказистом зимнем пальтеце с меховым воротником, в черной меховой же шапке, надвинутой на самые брови, – потерянно стояла внутри ограды и пустыми глазами смотрела на венки, устилавшие могильный холмик. Ее лицо было бледно и некрасиво, под глазами залегли синеватые тени.

Мы с Борзым остановились метрах в пятнадцати от компании, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Лучше всего пойти прямо на поминки, – авторитетно заявил Борзой. – Самый надежный вариант! Что-то да разнюхаем...

– Неудобно, нас туда никто не приглашал... – заметила я.

– Нам, газетчикам, неудобно только на потолке спать! – возразил Борзой. – Если хотите раздобыть информацию, забудьте о деликатности. И потом, что плохого, если мы помянем раба божьего Алексея? В этом нет ничего предосудительного.

Между тем скорбный обряд, кажется, заканчивался. Мужчины медленно отходили от ограды, неловко переглядываясь и почти не разговаривая между собой. Женщина продолжила стоять возле свежего могильного холмика, одинокая и убитая горем.

Человек в черном кожаном пальто, с непокрытой головой, осторожно взяв женщину за плечи, что – то негромко втолковывал ей, наклонив хищное кривоносое лицо и стараясь заглянуть в глаза.

– Старший следователь Горохов, – объяснил мне Борзой. – Здесь вообще все из прокуратуры. Наверное, они и похороны организовали... У самих-то Аникиных в доме шаром покати, а похороны сейчас, сами знаете, в копеечку обходятся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.